

Резиденция регента была погружена в тишину, словно всё мирское шумиха осталась далеко за её пределами.

Линь Сюэцзи одолевала необычайная сонливость, и в карете он, прислонившись к плечу Цзи Синхэ, крепко уснул.

— А-Цзи, просыпайся, мы дома, — мягко позвал Цзи Синхэ.

— Ох... уже дома? — голос Линь Сюэцзи звучал приглушенно; он вроде бы проснулся, но в то же время словно продолжал бредить во сне. — Тогда я еще посплю.

Цзи Синхэ с безнадежной улыбкой покачал головой и подхватил Линь Сюэцзи на руки. Тот ничуть не протестовал, послушно прикинувшись к груди Цзи Синхэ, и тут же снова провалился в сон.

056, переходя на ультразвук: — Вау-вау-вау! Принцесса на руках! Настоящая принцесса на руках!

Цзи Синхэ, неся Линь Сюэцзи, направился прямо в спальню, оставив позади лишь взбудораженного маленького лисенка. Глядя на удаляющиеся фигуры, лисенок скорчил такую гримасу, что и словами не описать.

Цзи Синхэ бережно опустил Линь Сюэцзи на кровать и уже собрался было вернуться за фонариком в виде волчонка, как вдруг Линь Сюэцзи ухватился за его руку. Голос его, тихий и бормочущий, дрожал, словно в нем сквозили слезы:

— Матушка, не уходи... побудь со мной еще немного, пожалуйста. Совсем чуть-чуть... А-Цзи такой послушный.

Цзи Синхэ замер, ощутив в груди болезненный укол. Он остановился, позволяя Линь Сюэцзи крепко сжимать свою ладонь. Почувствовав, что человек не уходит, Линь Сюэцзи осмелел и прижался к нему еще теснее.

— У А-Цзи всё хорошо, просто он очень скучает по матушке. Ты ведь будешь приходить ко мне почаще?

Сердце Цзи Синхэ сжалось от жалости — А-Цзи увидел во сне мать, он так тосковал по ней. Когда из государства Вэй прислали принца, он знал, что у того тяжелая судьба: мать его была самого низкого происхождения и скончалась, когда мальчику было три или четыре года, после чего его воспитывала кормилица. Раньше он воспринимал это как обычный факт, но сейчас его сердце болело так, будто его резали ножом.

Его А-Цзи в детстве наверняка был таким послушным и милым. Почему же такого чудесного

ребенка никто не согрел материнской любовью? Другие дети во дворце были окружены заботой, а А-Цзи оставался в полном одиночестве. Если его обижали, заступиться было некому, и он мог лишь прятаться под одеялом и плакать. И вот, едва увидев мать во сне, он просит её задержаться хоть на мгновение.

На душе у Цзи Синхэ стало пусто. Оказывается, А-Цзи, как и он сам, — ребенок, лишенный матери. Он крепко обнял Линь Сюэцзи, прислушиваясь к его сердцебиению. Тук-тук-тук. Каждый удар отдавался прямо в сердце Цзи Синхэ. Ему ужасно захотелось заплакать.

Ночь прошла в тишине.

Линь Сюэцзи проснулся в хорошем настроении: ему приснилась мать. Она была такой ласковой, и в отличие от прошлых снов, где она исчезала едва появившись, в этот раз она пробыла с ним всю ночь. Открыв глаза, он первым делом увидел Цзи Синхэ, который спал, обнимая его.

Линь Сюэцзи посмотрел на Цзи Синхэ, затем на небо за окном — уже вовсю рассвело, судя по времени, наступил час Дракона. Он невольно улыбнулся: значит, Цзи Синхэ сегодня пропустил утреннюю тренировку с мечом и позволил себе поспать подольше. Однако, присмотревшись, Линь Сюэцзи заметил у него под глазами легкие тени. Конечно, это вовсе не было похоже на крепкий сон.

Линь Сюэцзи внезапно замер, вспоминая ночной сон. Мать была с ним всю ночь, обнимала его... Неужели это был Цзи Синхэ? В душе Линь Сюэцзи возникло странное, трепетное чувство, а сердце забилось чаще.

— 056, ты здесь? Что произошло вчера?

Линь Сюэцзи подождал, но ответа не последовало. Он удивился: связь с системой была на месте, почему же 056 молчит? Лишь спустя некоторое время он услышал голос:

— Хозяин, вчера я был не с тобой, меня заперли в клетке... ии-ии-ии! Там так дуло, я так замерз!

Что? Заперли в клетке? Кем-то? Линь Сюэцзи внезапно осенило:

— Ты что, превратился в того лисенка?

056: ...Оно еще надеялось скрыть это подольше. Как хозяин догадался?! 056 был в ярости и полном недоумении: мало того, что Цзи Синхэ бросил его вчера на произвол судьбы, так он еще и такой бессердечный!

Линь Сюэцзи лишь догадывался, но не ожидал, что всё так и есть. Расспрашивать подробнее он

не стал. Его взгляд упал на лицо Цзи Синхэ, и он почувствовал укол жалости и невыразимую благодарность. Вот почему объятия казались такими настоящими — это был Цзи Синхэ.

— А-Цзи, ты проснулся? — Цзи Синхэ открыл глаза. — Хочешь еще поспать?

— Нет, встаем, — Линь Сюэцзи на мгновение растерялся. Есть вещи, которые лучше не облекать в слова — стоит их озвучить, как магия исчезнет. Пусть всё останется как есть, в молчаливом согласии.

Линь Сюэцзи улыбнулся:

— Ваше Высочество, пойдёмте проведем того лисенка.

056 ликовал! Хозяин о нем не забыл! Как трогательно! Ии-ии-ии!

Линь Сюэцзи: ...Малыш, ты можешь хоть немного помолчать?

056: — Хорошо, — всхлипнуло оно. — Даже похвалить себя не даете.

Цзи Синхэ слегка замешкался. Вчера он, подхватив А-Цзи, ушел, совсем забыв про лисенка... Нехорошо вышло.

*

— Как там лисенок, которого мы принесли вчера? — спросил Цзи Синхэ.

— Ваше Высочество, он в теплой комнате. Очень послушный, вчера почти сразу уснул, сейчас, должно быть, уже просыпается, — почтительно доложил Ланьдань. Этот лисенок, хоть и выглядел невзрачно, оказался на удивление смышленным.

Цзи Синхэ выдохнул с облегчением. Линь Сюэцзи был не удивлен. Глядя на лисенка в клетке, который с аппетитом грыз куриную ножку, Линь Сюэцзи сохранял невозмутимость.

Линь Сюэцзи: — Ну что, было очень плохо? Сильный ветер, ты замерз?

Курица выпала из пасти 056: — Ии-ии-ии!

Пушистая мордочка лисенка выражала крайнюю степень обиды, а маленькие глазки жалобно смотрели на Линь Сюэцзи. Тот почувствовал, что теряет самообладание. Неужели это проклятие любителей пушистых существ?

Цзи Синхэ: ему показалось, или они сейчас переговаривались? Почему он один ничего не понимает?

Линь Сюэцзи вздохнул. Ладно, он действительно не мог устоять. Открыв клетку, он маленьким платочком протер лисенку лапки и взял его на руки.

Цзи Синхэ: вот черт, он даже немного завидует лисенку.

056: почему вдруг стало так холодно? Неужели Цзи Синхэ смотрит на него с такой неприязнью?

Линь Сюэцзи гладил лисенка, чувствуя полное умиротворение, и уже не сердился на его притворство. Цзи Синхэ усмехнулся: главное, что А-Цзи доволен. В конце концов, он регент, чего ему ревновать к какой-то лисе?

Он невольно улыбнулся:

— Какой милый лисенок, — и, небрежно, но настойчиво, забрал животное себе.

056: ии-ии-ии, я не хочу к нему!

Линь Сюэцзи с трудом сдерживал смех. Если бы он не хотел посмотреть, как Цзи Синхэ ревнует, он бы уже давно расхохотался.

*

В кабинете Цзи Синхэ снова и снова рассматривал фонарик в виде волчонка. Это был первый подарок от А-Цзи, его нужно было беречь как зеницу ока.

— Ваше Высочество, это фонарик? — Ланьдань хотел было сделать комплимент, но, разглядев узор, осекся. Этот волчонок был не столько грозным, сколько каким-то нелепым и забавным.

Однако Цзи Синхэ не видел в нем изъянов. Волчонок был и сильным, и милым — как раз для того, чтобы и защищать любимого человека, и радовать его.

— Ваше Высочество, свеча в фонарике догорела. Принести новую? — почтительно спросил Ланьдань.

Цзи Синхэ кивнул:

— Поменяй. Как думаешь, где его лучше повесить?

Ланьданы: ...Этому фонарику нигде не место. Но вслух он, конечно, этого не сказал:

— Может, лучше убрать его в надежное место, чтобы не повредить?

— Нет. Сними дворцовый фонарь в глубине кабинета и повесь этот, — решил Цзи Синхэ.

Это место было личным, куда посторонним вход был заказан. Только он будет видеть своего волчонка, подумал Цзи Синхэ. Ланьданы не верил своим ушам. Тот дворцовый фонарь был даром покойного императора, шедевром ручной работы, бесценным сокровищем, а теперь его заменят на это?

Цзи Синхэ бросил на него взгляд:

— Ты не понимаешь. Этот фонарик — бесценное сокровище. Это наш символ любви.

Ланьданы: ...Вы хозяин, вам виднее.

<http://bllate.org/book/18626/1793289>